

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕМОСФЕН
ПИСЬМА

DEMOSTHENIS
EPISTOLAE

*

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. И. ДОВАТУРА

Перевод с древнегреческого и комментарии

В. В. Вальченко

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

В. В. ВАЛЬЧЕНКО

К ПРОБЛЕМЕ ПОДЛИННОСТИ ДЕМОСФЕНОВСКИХ ПИСЕМ

Шесть писем, сохранившихся среди сочинений Демосфена, с давнего времени пользуются неослабевающим вниманием исследователей. Этот повышенный интерес к небольшому сборнику писем объясняется не только тем, что они связаны с именем великого оратора и, таким образом, ценны как литературный памятник, дающий представление о последнем периоде творчества Демосфена, но и, может быть, в еще большей степени письма интересны как один из немногих идеологических и исторических памятников, отражающих самый закат афинской демократии и проливающих свет на конец той эпохи в жизни афинского государства, которая не воспринимается в отрыве от Демосфена. Однако все частные вопросы, какой бы стороны писем они ни касались, неизбежно приводят к одному кардинальному, ставящему под сомнение ценность имеющегося в нашем распоряжении текста. Этот главный вопрос — о принадлежности писем Демосфену.

Для непризнания (или признания) писем подлинными нам почти ничего не дает античная традиция. Во всяком случае, ни один древний автор (правда, это, главным образом, поздние риторы, лексикографы и византийские схоластики) не высказал сомнения относительно их подлинности. Возможно, наш текст писем находился перед Цицероном (*Brut.* 31; *Orat.* 4; ср. *Quint.* X, 1), который основывается на них в своем утверждении, что Демосфен читал и изучал Платона. Один парафраз из письма II (20) со ссылкой на Демосфена имеется также у Плутарха в его биографии оратора (XXVI). Впрочем, и свидетельство Цицерона и ссылку Плутарха вследствие их неточности можно трактовать как за, так и против аутентичности писем. Мы можем не сомневаться лишь в том, что какой-то сборник писем, ходивший под именем Демосфена, был уже известен в I в. до н. э. Примерно так же неопределенно в вопросе о письмах обстоит дело и с рукописной традицией¹. С одной стороны, в наиболее авторитетной рукописи (па-

¹ Древнейшие рукописи сочинений Демосфена восходят к X в. О рукописях см. W. Christ, *Die Atticusaussage des Demosthenes*, «Abhandlungen der philos.-philol. Kl. der Königl. Bayerischen Akad. d. Wiss.», XVI, 1881, стр. 155—234; A. Dregur, *Antike Demosthenesausgaben*, «Philologus», Supplbd. VII, 1899, стр. 531—588, Н. O m o n t, *Praefatio*, стр. II—XXVIII (*Demosthenis orationum codex*, t. I, P., 1892); Th. Thalhheim, *RE*, Bd. V, 1905, стб. 186—187, s. v. Demosthenes; F. Blass, *Praefatio*, стр. III—XXVI (*Demosthenis orationes*, vol. I, Lipsiae, 1908); S. H. Butcher, *Praefatio*, стр. XVII—XX (*Demosthenis orationes*, vol. I, Oxonii, 1903); G. Pasqualli, *Storia della tradizione e critica del testo*, Firenze, 1952; J. A. Goll-

рижский список Σ) отсутствует письмо VI, и при этом порядок писем отличается от порядка, даваемого другими рукописями (I, IV, II, V, III). Все шесть писем в порядке, который принимается современными издателями, содержатся в *codex Marcianus F (Q)*. Ни то, ни другое расположение писем не дает удовлетворительного смысла. Отсюда можно заключить, что составителям свода произведений Демосфена не был известен хронологический порядок писем. С другой стороны, наличие стихометрических данных в парижской рукописи для писем I—V, имеющих архаический характер, может указывать на то, что письма в отдельных списках существовали еще до времени издательской работы Каллимаха и александрийских ученых, собравших воедино сочинения Демосфена².

Уже в самом начале критического изучения текста определился дифференцированный подход к письмам. И это понятно, отличие двух последних писем от остальных даже на самый первый взгляд столь велико, что почти сразу же была отвергнута подлинность письма V и под вопрос поставлена принадлежность Демосфену очень короткого письма VI³.

Письмо V вообще стоит особняком по отношению к другим письмам. Оно единственное, которое носит частный характер, и, как подсказывает контекст, написано Демосфеном в молодые годы. Именно этим иногда объясняют некоторые отклонения от зрелого демосфеновского стиля, встречающиеся в тексте письма⁴. Но если даже не принимать во внимание различия в стиле, то все равно имеются трудности, связанные с содержанием. Совершенно необъяснима обстановка написания письма. Где мог находиться Демосфен, обещающий появиться, как только сложатся благоприятные обстоятельства, и кто такой Гераклеодор, которому адресовано письмо и который характеризуется как видный государственный деятель? Неизвестно также и имя Эпитима, с просьбой о заступничестве за которого обращается Демосфен к Гераклеодору, как неизвестны и два других имени — Арат и Менекрат. Хвала, воздаваемая философии Платона, а также все эти имена, большей частью неаттического происхождения, дают основание предполагать, что письмо было составлено за пределами Аттики каким-то ритором, соблазненным легендой о причастности Демосфена к учению Платона. Важно, однако, отметить, что это письмо, имеющее тот же характер стихометрических пометок, как и другие письма, должно было войти в демосфеновский корпус не позднее середины III в. до н. э.

Что касается письма VI, то оно, как уже было сказано, отсутствует в парижском кодексе Σ , не имеет стихометрии и при всем этом не засвидетельствовано источниками. Письмо адресовано Совету и народу и сообщает афинянам о каком-то происшедшем сражении. Имена Антифила, Антипатра и его коринфского сторонника Динарха (ср. *Plut.*, *Phoc.* XXII; *Dem.* XVIII, 295) намекают на события Ламийской войны (322 г.), в частности на тот ее период, когда погиб Леофен и во главе союзных греческих

stein, *The Letters of Demosthenes*, N. Y.—L., 1968, стр. 8—25. Неполный текст письма III (1—38) сохранился на папирусе II в. до н. э. (F. Kenyon, *Classical Texts from Papyri in the British Museum*, L., 1891, стр. 58—62). Текст письма II частично (18—20, 23—25) засвидетельствован папирусом II в. н. э. — *Papyri Osloenses*, Inv. № 1471 (см. Z. M. Paskman, *Demosthenes' Second Epistle*, «*Bulletin of the American Society of Papyrologists*», X, 1973, стр. 31—41) и § 4 письма I — в P. Оху. XXXI, 2549.

² См. A. Neupert, *De Demosthenicarum quae feruntur epistularum fide et auctoritate*, Lipsiae, 1885, стр. 12—13; E. Bickerman, *Lettres de Démosthène*, *Rev. de phil.*, 3e série, XI, 1937, стр. 54; G. Oldstein, *ук. соч.*, стр. 8—25.

³ См., например, G. H. Schaefer, *Apparatus criticus ad Demosthenem*, vol. V, L., 1827, стр. 722; A. G. Becker, *Demosthenes als Staatsbürger, Redner und Schriftsteller*, Quedlinburg — Leipzig, 1830, стр. 61—63.

⁴ О стиле письма V см. F. Blass, *Die attische Beredsamkeit*, 2-те Aufl., Bd. III, 1, Lpz, 1893, стр. 454 сл.; Neupert, *ук. соч.*, стр. 14.

войск стал его преемник Антифил. Место, откуда было отправлено письмо, и положение Демосфена темны. Наиболее приемлемое толкование этого письма было дано в начале нынешнего столетия П. Фукаром⁵, который считает, что письмо могло быть послано Демосфеном во время его добровольного посольства в Пелопоннес, когда он убеждал пелопоннесские города присоединиться к греческому союзу в новой войне против Македонии, за что, как передает Плутарх (Dem., XXVII; ср. — Ps.-Dem. Vit. X or. 846D), затем Демосфену было уготовано торжественное возвращение на родину. Под упомянутой в письме битвой Фукар понимает сражение между союзными войсками и Леоннатом. Реконструируемая таким образом историческая ситуация не противоречит действительности⁶. Но уже чрезвычайная краткость письма, а также некоторые стилистические несообразности привели Фукара к выводу, что перед нами переделка подлинного письма Демосфена риторически образованным историком, каким был ученик Исократ Анаксимен. По его мнению, извлечение могло быть сделано из несохранившегося труда Анаксимена «История Александра».

В центре внимания исследователей, однако, всегда были первые четыре письма, которые более всего отвечают художественной манере Демосфена и почти целиком соответствуют реалиям политической и общественной жизни Афин 20-х гг. IV в. до н. э. Почти полное единодушие установилось относительно следующего: все четыре письма восходят к одному, точно очерченному периоду нахождения Демосфена в изгнании после его осуждения по делу Гарпала (весна-лето 323 г.); письма представляют собой некое целое, основным содержанием их является тема оправдания оратора и возвращения его на родину; все они связаны не только единством идейного и фактического содержания, но и обладают единством языка и стиля. Но далее начинаются резкие расхождения, в том числе и по общим вопросам, определяющим принципы подхода к эпистографическому наследию античности, которое, как известно, является весьма разнородным⁷. Особые сложности возникают с эпистографией IV в. до н. э., когда еще не существовало разработанной теории относительно «правил» составления письма⁸. Отсюда становится понятным, почему одни исследователи трактуют тот факт, что письма, приписываемые Демосфену, как например и письма Исократ, носят характер публичной речи, против их аутентичности, другие — в пользу. Как представляется, вопрос не заслуживает обсуждения уже хотя бы потому, что мы не знаем, как они должны были быть написаны. Относительно же писем Демосфена заметим, что они, адресованные Совету и народу, предназначались для устного произнесения и должны были, подобно речам, достигать той же цели — убеждения. Еще большие разногласия по частным вопросам принес с собой метод формального изучения писем. Ни к какому утешительному выводу не привела, можно сказать, ожесточенная полемика между Ф. Блассом⁹,

⁵ P. Foucart, Le sixième lettre attribuée à Démosthènes, «Journal des savants», X, 1912, стр. 49—54.

⁶ H. Bengtson, Griechische Geschichte, 4-te Aufl., München, 1969, стр. 372; G. Glotz, P. Roussel, R. Cohen, Histoire grecque, t. IV, P., 1938, стр. 266—275.

⁷ См. Sykutris, RE, Supplbd. V, 1931, стб. 210—213, s. v. Epistolographie; Т. А. Миллер, Псевдоисторическая эпистография, «Античная эпистография. Очерки», М., 1967, стр. 192—224.

⁸ Впервые такие указания появляются в трактате *περί ἐπιγραφῶν*, приписываемом Деметрию Фалерскому, датировка которого, впрочем, колеблется от III в. до н. э. вплоть до II в. н. э.

⁹ F. Blass, Über die Echtheit der Demosthenes' Namen tragenden Briefe, «Jahresbericht über das Königl. Wilhelm-Gymnasium zu Königsberg», Progr., Königsberg, 1875; он же, Die demosthenischen Briefe, «Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik», CXV, 1877, стр. 541—544; он же, Unechte Briefe, «Rheinisches Museum für

настаивавшем на атрибуции писем Демосфену, и отрицавшем их подлинность А. Шефером¹⁰, с одной стороны, и между Блассом и У. Виламовицем¹¹, — с другой. Обеими сторонами при этом зачастую брались на вооружение одни и те же аргументы, что, разумеется, рождало полную неопределенность. Назрела необходимость полного и всестороннего анализа текста писем. Казалось, что ответ на стоявший перед филологической наукой вопрос может дать прежде всего детальное изучение внутренней структуры писем, данные их языка и стиля. Столь обширную задачу взял на себя Х. Нойперт. Обобщив результаты своих предшественников и подвергнув письма тщательному сопоставлению с подлинными демосфеновскими произведениями, Нойперт пришел к заключению, что ни одно из них не может принадлежать оратору. Согласно его мнению, письма отягощены слишком многими недостатками, чтобы их можно было принять за демосфеновские. И тем не менее Нойперт вынужден был иногда замечать, что автор писем совсем неплохо ориентируется в событиях, что в структурном отношении у него кое-что связано сносным образом и что в целом фальсификатор пишет на хорошем аттическом языке IV в. в манере, близкой Демосфену¹².

Через 50 лет появилась работа Х. Заксенвегера¹³, которая не только касалась тех же вопросов, но и по методу исследования была как бы зеркальным отражением диссертации Нойперта. Разница заключалась лишь в том, что результаты, достигнутые Заксенвегером, оказались прямо противоположными результатам, полученным Нойпертом. Шла ли речь о *ἄραξ λεγόμενα* или об отдельных выражениях как несвойственных Демосфену, или с подозрением на неаттические формы, Заксенвегер выставлял в качестве контраргумента либо параллель со сходным употреблением, либо слово с близким значением, или, в крайнем случае, указывал на использование того или иного слова и выражения у других аттических ораторов. Точно так же обстояло дело и с другими аспектами стиля писем, будь то употребление предлогов, частиц, грамматических конструкций, характерных для Демосфена, или наличие разного рода стилистических украшений. Однако симптоматично, что объектом защиты на этот раз оказались два письма — II и III. Кроме того, Заксенвегер выпустил из поля зрения и еще некоторые, ранее привлекавшие пристальное внимание моменты, считая их или несущественными, или неразрешимыми. В целом же аргументация Заксенвегера была настолько убедительна, что раздалась голоса о невозможности решения проблемы подлинности средствами формального анализа¹⁴, так как он приводил к двусмысленности. Может быть, именно поэтому в последней по времени работе Дж. Голдстейна, доказывающего авторство Демосфена для первых четырех писем, вопросам стиля уделено столь малое место¹⁵. Между тем обойденные молчанием Заксенвегером письма I и IV имеют свои трудности. И дело здесь, конечно, заключается не в формальных особенностях их стиля и языка. Напро-

Philologie», LIV, 1899, стр. 33—39; он же, Die attische Beredsamkeit, III², 1, стр. 439—455.

¹⁰ A. Schaefer, Sind die demosthenischen Briefe echt oder nicht? «Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik», CXV, 1877, стр. 161—166; он же, Demosthenes und seine Zeit, 2-te Aufl., Bd. III, Lpz, 1887, стр. 350.

¹¹ U. v. Wilamowitz-Moellendorf, Unechte Briefe, «Hermes», XXXIII, 1898, стр. 492—498.

¹² Neupert, ук. соч., стр. 38, 75—77.

¹³ H. Sachsenweger, De Demosthenis epistulis, Lipsiae, 1935.

¹⁴ Bickerman, ук. соч., стр. 53.

¹⁵ Goldstein, ук. соч., стр. 26—30. См. рецензии: J. Vignel, REA, LXXI, 1969, стр. 488—490; G. Kennedy, CW, LXII, 1968, стр. 138; G. O. Rowe, AJPH, XCI, 1970, стр. 503—505; D. M. MacDowell, CR, XX, 1970, стр. 322—324; E. R. A. Sewter, «Greece and Rome», XVII, 1970, стр. 226.

тив, в некоторых отношениях они могут даже служить образцом стиля Демосфена. Так, хиа, уклонение от которого наблюдается во всех четырех письмах, реже появляется в письмах I и IV и чаще — в письме III. Во всех письмах, за исключением писем V и VI, сохраняется также и ритмический закон уклонения от употребления более двух кратких слогов подряд¹⁶, который кроме Демосфена не соблюдался ни одним античным автором и который был известен только ритору II в. н. э. Элию Аристиду, вероятно, подражавшему Демосфену. При этом самый низкий процент нарушений закона приходится на письма III и IV и самый высокий — на письмо II. Письма I и в особенности IV не удовлетворяют требованиям в других отношениях. И, пожалуй, наиболее серьезные нарекания вызывает их содержание.

Направленное в адрес Совета и народа, письмо IV содержит инвективу против неизвестного нам Ферамена, который, как надо полагать, в отсутствие Демосфена публично осуждал характер его политической деятельности и, в частности, поносил личную судьбу оратора, с которой связывал несчастья государства. Письмо претендует на роль некой защиты против нападок Ферамена по этому отдельному пункту и ближе всего по содержанию соприкасается с письмом II, широко трактующим тему оправдания политической деятельности Демосфена. Единственным признаком того, что письмо написано оратором из изгнания, служит краткое замечание *ἐν ἀφίκμαί ποτε καὶ σῶθῃ* (2). Решительно никаких сведений письмо не дает ни о положении самого Демосфена, ни об исторической ситуации 323 г. Связь с другими письмами и с письмом II поверхностна, поэтому не представляется возможным определить очередность следования письма. И можно лишь предполагать, прибегая к догадкам, что оно относится ко времени до смерти Александра (июнь 323 г.)¹⁷.

Нельзя не отметить композиционную стройность письма: мотивированное и краткое вступление с попутной характеристикой Ферамена (1—2), доказательство основного тезиса, иллюстрируемое дополнительными аргументами и примерами (3—10), и в конце (11—12) — вновь возвращение к личности Ферамена. Все это находится в безупречной связи с очень непринужденными переходами от одной мысли к другой и представляет собой композиционно замкнутое целое, так что не закрадывается никаких сомнений насчет недоработанности письма или того, что оно является обрывком. Однако сам способ доказательства главного положения, развивающегося по схеме: а) из предсказаний богов следует, что ваш город является самым счастливым; б) в своих предсказаниях боги исходят из прошлого; в) в прошлом город пользовался моими советами; следовательно, мою судьбу нельзя называть несчастливой, — представляется и софистичным и слишком тяжеловесным для Демосфена. Кроме того, подозрения вызывает и сама тема письма, в центре которого — личная судьба оратора, якобы несущая бедствия государству. Именно об этом говорил еще Эсхин на процессе Ктесифонта в 330 г. (III, 57, 134—135, 157—158). Действительно, на процессе Гарпала обвинители — и Гиперид (С. Dem. фр. X, стб. XXXIX), и безымянный оратор, произносивший речь Динарха (I, 64—65, 74, 77, 91), — не преминули воспользоваться старым обвинением Эскина. И, таким образом, можно было бы не сомневаться в актуальности

¹⁶ Для большинства речей Демосфена этот закон впервые установил Бласс (*Die attische Beredsamkeit*, III², 1, стр. 105 слл.). Дальнейшую его разработку и количественные подсчеты нарушений в произведениях греческих писателей, в том числе и письмах Демосфена, дают: С. D. A d a m s, *Demosthenes' Avoidance of Breves*, CPh, XII, 1917, стр. 271—294; F. F o g e l, *Die Kürzenmeidung in der griechischen Prosa des IV. Jahrhunderts*, «Hermes», LVIII, 1923, стр. 87—108.

¹⁷ См. G o l d s t e i n, ук. соч., стр. 59.

защиты Демосфена по этому пункту обвинения в 323 г., если бы в письме не находились не только мысли, тождественные мыслям речи «О венке», но и целые обороты, которые нельзя квалифицировать иначе как заимствования¹⁸. Не спасает письмо IV и попытка привести в соответствие сведения, даваемые им (кстати сказать, очень скудные), с исторической обстановкой 323 г. Поскольку нет видимой цели, преследуемой письмом, и трудно представить, какое решение могли принять афиняне после его оглашения, то несколько не убеждает аргумент, что оно было послано незадолго перед Ламийской войной, с тем чтобы ободрить сограждан и указать, что судьба благосклонна к ним и находится в их городе¹⁹. Этот побочный аргумент служит только целям защиты самого оратора, и не более. Не раз уже отмечалось и странное упоминание каппадокийцев, сирийцев и народов Индии (Ер. IV, 7). Пожалуй, следовало бы остановиться и на идее всеобщего примирения, на которой целиком строится письмо I и которая появляется в письме IV. Демосфен, говоря о персах и спартацах (Ер. IV, 7), замечает, что нынешнее бедственное положение этих народов никак не зависело от его советов, и при этом он умалчивает о фиванцах, о заключении союза с которыми он с такой гордостью заявлял в речи «О венке» (XVIII, 179, 195, 229, 237). Это могло бы соответствовать примиренческим настроениям Демосфена в 323 г. В 330 г. Демосфен действительно не проявил инициативы в деле создания союза с восставшей Спартой под началом Агиса III, а по словам Эсхина (III, 165—167; ср. III, 133—134, 156—157) и затем обвинителей на гарпаловском процессе (Нур., С. Dem. фр. IV, стб. XVII; Din. I, 34) даже препятствовал ему. В таком случае умолчание о Фивах и, следовательно, о времени, когда вопрос о независимости решался силой оружия, с одной стороны, и упоминание о спартацах, окончательно потерявших свободу в результате обращения к той же силе оружия, — с другой, могло бы объясняться мудростью политики Демосфена, со времени поражения Фив видевшего полную безнадежность и даже пагубность попыток активного сопротивления Македонии²⁰. Печальным примером тому была Спарта. Однако с этой концепцией не увязывается поставленная в один ряд ссылка на персов (Ер. IV, 7), которая представляется совершенно нейтральной, ибо от Демосфена в самом деле никак не зависела судьба персидской державы, потерпевшей сокрушительное поражение. Поэтому мы вправе отвергнуть такое предположение, претендующее на столь тонкий смысл, заложенный в словах автора письма, и видеть здесь хотя и не противоречащий исторической действительности, но до известной степени случайный набор имен.

Аналогичным образом обстоит дело и с другим рядом имен — фессалийцев, аргосцев и аркадян, вместе или по отдельности постоянно встречающихся в речах Демосфена (IX, 12; XIX, 260; I, 22; V, 18—19; VI, 9, 22), в том числе и в речи «О венке» (XVIII, 64—65, 295). В письме (IV, 8) указывается на то, что эти народы, став на сторону Филиппа, тем самым оказались виновными в бедствиях, постигших Грецию. В этом месте примечательна одна деталь. Всем этим племенам дается совершенно отрицательная характеристика, резкость которой не сглаживается ссылкой на общее мнение (*δοξεῖν*) греков. На них безусловно лежит вина, и они по справедливости заслуживают ненависти. То, что это собственная точка

¹⁸ Ср. Ер. IV, 3 и D e m., XVIII, 253; Ер. IV, 5 и D e m., XVIII, 290; Ер. IV, 6 и D e m., XVIII, 253—254; Ер. IV, 7 и D e m., XVIII, 270—271; Ер. IV, 8 и D e m., XVIII, 64—65; Ер. IV, 10 и D e m., XVIII, 290. Согласие Голдстейна (ук. соч., стр. 30) со справедливостью замечаний такого рода в отношении письма IV во многом ослабляет его дальнейшую аргументацию.

¹⁹ Так считает Голдстейн (ук. соч., стр. 59—60).

²⁰ Goldstein, ук. соч., стр. 74—76.

зрения автора, подтверждается вводным *εἰκότως*. Налицо непримиримая позиция Демосфена по отношению к людям, действовавшим заодно с македонянами, что полностью противоречит содержанию письма I (6, 8), в котором оратор призывает к примирению всех со всеми. Далее (Ер. IV, 9), правда, делается заключение о том, что благодаря политике Демосфена Афины оказались в самом выгодном положении как среди государств, выступавших против Македонии, так и среди тех, которые находились с нею в союзе. Но о чем это говорит? О том ли, что оратор оправдывает здесь свою политику уклонения от открытого конфликта с Македонией? В таком случае письмо IV не может относиться к последнему периоду ссылки Демосфена, т. е. к тому времени, когда Афины были накануне вооруженного восстания и когда, возможно, шла деятельная подготовка к нему²¹. В письме I, которое по времени должно отстоять недалеко от письма IV, ясно звучит призыв к освобождению (Ер. I, 16). Вместе с тем Демосфен, которому Гиперид ставил в упрек сотрудничество с македонянами (С. Dem. фр. IV, стб. XVII; фр. VII, стб. XXI—XXII), должен был опасаться обвинять других, как это он делает в отношении фессалийцев, аргосцев и аркадян, в том, в чем его обвиняли самого. Менее всего похоже на то, что это письмо может принадлежать Демосфену или что оно, в согласии с распространенным мнением, могло служить целям посмертной апологии оратора²². Многочисленные заимствования вплоть до дословных оборотов из речи «О венке», идентичность трактовки мотива «судьбы» и характера Ферамена (да еще в выражениях, которых Демосфен никогда не употреблял) и характера Эсхина в той же речи, отвлеченная форма подачи материала, тяжеловесность и некоторая напыщенность изложения (предпочтение эпихейрем энтимемам и горгиевы фигуры), выдают руку ратора, а не пропагандиста. Все это не только бросает тень подозрения на остальные три письма, но и заставляет придерживаться большой осторожности при их интерпретации.

Сходный характер имеет и письмо I, поддающееся более или менее точной датировке. Оно могло быть написано сразу же после смерти Александра (Ер. I, 13). Неожиданная смерть македонского царя и в связи с этим волна освободительного движения, прокатившаяся по греческим полисам, а также острая борьба мнений вокруг вопроса о возможности войны и об отношении к лицам, группировкам и государствам, поддерживавшим македонян, могли послужить хорошим предлогом Демосфену для написания письма, чтобы дать практические рекомендации афинянам. Оратор призывает сограждан придерживаться единодушия по поводу принятых решений. Но каких решений? Может быть, о том, чтобы начать освободительную войну? Ясно об этом не говорится, однако можно догадываться. Если так, то имеется в виду общегреческая война, и здесь, понятно, не должно быть места старым обидам и враждебности и афинянам следует первым сделать шаг к примирению (Ер. I, 7). К этому добавляется еще совет поставить во главе вооруженных сил людей наиболее преданных народу (Ер. I, 14)²³. Письмо составлено в духе совещательных речей

²¹ Наши источники умалчивают о подробностях подготовки Ламийской войны. См. Dio d., XVIII, 8—9; Paus., VIII, 6, 2; Justin., XIII, 5. Роль самого Демосфена в Ламийской войне ограничивалась его добровольным посольством в самом ее начале (Plut., Dem. XXVII, 3; Ps.-Plut., Vit. Xor. 846D).

²² См. Wilamowitz-Moellendorf, ук. соч., стр. 492—498; W. Nitsche, Demosthenes und Anaximenes, «Zeitschrift für das Gymnasialwesen, Jahresbericht des Philol. Vereins zu Berl.», Jg. 32, 1906, стр. 139; P. Treves, Apocriphi demostenici, «Athenaen», XIV, N. S., 1936, fasc. 4, стр. 233—251; он же, Epimetron arpalico-demostenico, там же, стр. 258—266; Viskerман, ук. соч., стр. 52—61.

²³ Голдстейн (ук. соч., стр. 63) хочет видеть здесь намек на Фокиона, который высказался против вооруженного восстания (Plut., Phoc. VIII, 1).

Демосфена, произнесенных им в народном собрании во времена войны с Филиппом. Но насколько велика разница между содержанием тех давних речей Демосфена, действительно дававших практические указания в связи с конкретной обстановкой, и очень общим и банальным содержанием письма. В нем, за исключением упоминания о смерти Александра, нет ни одной детали, по которой можно было бы судить об истинности исторической ситуации, а темный намек на какие-то решения только усугубляет подозрения. Если предположить, что письмо намеренно написано в такой завуалированной форме, так как положение изгнанника не позволяло Демосфену высказаться иначе, и что современникам открывался из него гораздо больший смысл, то спрашивается, чего мог опасаться оратор после смерти Александра, когда вся Греция поднялась на освободительную войну (Diod., XVIII, 7—10)? Так же осторожно, не называя имен, Демосфен говорит и о себе, с горечью замечая, что он был предан одними в угоду другим (Ер. I, 10). Такая осторожность на фоне призыва к всеобщему примирению представляется оправданной, но в целом она диктуется, как кажется, не ситуацией, а зависит от писем II и III, которые предположительно датируются временем жизни Александра.

Еще более существенные недостатки имеются в общей форме строения письма. Немного меньше половины его приходится на вступление и заключение (Ер. I, 1—4; 11—16), что нехарактерно для Демосфена даже в самых больших его речах. Причем четырехчастное вступление, представляющее собой отдельные, мало связанные между собой мысли, сопрягается по содержанию, а иногда и дословно, как с подлинными произведениями Демосфена, так и с произведениями других ораторов²⁴. Сравнительно короткое письмо изобилует общими местами, не идущими к делу рассуждениями и сентенциями. Не отрицая наличия такого рода рассуждений в политических речах Демосфена, заметим, что в отличие от нашего письма они всегда подкрепляются конкретными данными применительно к конкретному делу. Отсутствие их как раз и наводит на мысль об использовании автором письма некоторых общих мест для разработки ходячей темы περί όλογοίας²⁵. Там же, где автор отваживался упомянуть имя или событие, относящиеся ко времени жизни оратора, хорошей гарантией достоверности служили речи Демосфена. Так, характеристика Александра, о котором говорилось, что судьба сопутствовала ему благодаря его собственной предприимчивости (Ер. I, 13), дословно совпадает с характеристикой Филиппа, данной последнему Демосфеном еще в 349 г. (II, 23; ср. XI, 17), а указание на благосклонность судьбы к афинянам на основании предсказаний Зевса Додонского (Ер. I, 16), имеющееся и в письме IV (6), полностью соответствует месту из речи «О венке» (XVIII, 253).

Попытка Бласса²⁶ спасти письмо I путем предположения, что оно представляет собой первоначальный набросок, некий свод общих мест, составленный в целях дальнейшей его разработки, не может считаться удачной. Едва ли следует сомневаться в том, что оба письма (IV, I) яв-

²⁴ Ср. Ер. I, 1 и D e m., XVIII, 1; [D e m.] Proem. 25; Ер. I, 3 и I s o c r., V, 25; Ер. I, 2—3 и D e m., XVI, 2; [D e m.] Proem. 5; Ер. I, 4 и D e m., XVIII, 172. Об этом см. N e u p e r t, ук. соч., стр. 42—44; B l a s s, Die attische Beredsamkeit, III², 1, стр. 451—452.

²⁵ Под таким заглавием имелись произведения у софиста Антифонта (V в. до н. э.), комедиографа Агафокла (II в. до н. э.), стоика Хрисиппа (III в. до н. э.), Диона Хрисостома (I в. н. э.), Элия Аристиды (II в. н. э.). Последний использует эту тему в своей речи περί όλογοίας ταΐς πόλεσιν со ссылкой на письмо III Демосфена (I, p. 792 Dindorf). Небезызвестно также отметить и письмо Псевдо-Эсхина (XI, II), пародирующее наше письмо I. О письмах Эсхина см. K. S c h w e g l e r, De Aeschinis quae feruntur epistolis, Giessen, 1913.

²⁶ B l a s s, Die attische Beredsamkeit, III², 1, стр. 452.

ляются подложными и принадлежат одному автору: слишком уж сходны причины, по которым их автором нельзя считать Демосфена.

Намного, вероятно, осложнилась бы проблема подлинности писем III и II, если бы сборник не содержал очень подозрительных писем V и VI, на безоговорочной аутентичности которых, насколько нам известно, не решался настаивать ни один исследователь, а также если бы в него не входили во многих отношениях порицаемые письма IV и I. Безусловно, письма III и II заслуживают большего доверия. Это доверие вызывают и возможность довольно точной их локализации, и верность изображения описываемых событий, и большое количество характерных подробностей, наглядно показывающих особенности эпохи. Оба письма падают на первый период ссылки Демосфена и являются живым откликом на только что происшедшие события процесса Гарпала, обернувшегося для оратора изгнанием²⁷.

Для установления подлинности писем важно было бы знать ход всего судебного процесса. Однако здесь, как и в других случаях, связанных с делом Гарпала, нам приходится довольствоваться лишь отрывочными данными, отнюдь не дающими ясной картины. К этому примешивается и тенденциозность освещения; основные наши источники — речи обвинителей.

Среди привлеченных к суду по обвинению в подкупе Демосфен предстал первым и был приговорен к уплате штрафа в 50 талантов (Din. I, 105—106, 113; Plut., Dem. XXVI — XXVII). Затем по делу проходил, видимо, Демад, который, сознавшись в получении денег, не явился на суд и, вероятно, был осужден заочно (Din. II, 15). Не представляется возможным точно определить очередность прохождения по делу остальных обвиняемых. В соответствии с Динархом (III, 14), до суда над стратегом Филоклом произошло еще несколько процессов, закончившихся осуждением обвиняемых. Между тем из писем III и II известно, что некоторые из них, и, в частности Аристокитон, были оправданы. К сожалению, мы плохо осведомлены и об исходе судебного разбирательства. Опираясь на письмо II (2, 16, 21), можно предполагать, что некоторые Аристогитона (Er. III, 37, 42), были оправданы и еще некоторые лица. В явном противоречии с сообщением Динарха мы видим Демада ко времени смерти Александра вновь активно участвующим в политической жизни Афин (Plut., Phoc. XXII; Demetr., De elocut. 283). Этот факт нельзя объяснить иначе, кроме как тем, что он, а возможно и другие обвиняемые, получил оправдание позднее, при повторном рассмотрении дела. Что же касается Демосфена, то он, заключенный в тюрьму до выплаты штрафа, бежал на Эгину или в Трезену²⁸.

Письмо III, посвященное защите детей Ликурга, выгодно отличается от всех остальных уже тем, что оно привязано к определенному событию. Более естественный предлог для написания письма трудно представить. По-видимому, сразу же после окончания процесса Гарпала Менесехм, занявший должность казначея общественных доходов (Dionys. Hal., De

²⁷ Подробнее о деле Гарпала см. Schaefer, Demosthenes und seine Zeit, III², стр. 320—350; C. D. Adams, The Harpalos Case, «Transactions and Proceedings of the American Philological Association», XXXII, 1901, стр. 121—153; Stahelin, RE, Bd. VII, 1912, стб. 2397—2401, s. v. Harpalos; A. Körte, Der harpalische Prozess, «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», LIII, 1924, стр. 218 сл.; G. Colin, Démosthène et l'affaire d'Harpal, REG, XXXVIII, 1925, стр. 306—349; XXXIX, 1926, стр. 31—89; Treves, Apocriphi demostenici, стр. 233—251; он же, Epimetron arpalico-demostenico, стр. 258—266; E. Vadian, Harpalus, JHS, LXXXI, 1961, стр. 31—43; С. И. Радциг, Демосфен — оратор и политический деятель (Демосфен. Речи, М., 1954, стр. 443—451); Goldstein, ук. соч., стр. 37—44.

²⁸ Plut., Dem. XXVI; Max. Planud., vol. V, p. 496 (Walz); Syriani, vol. I, p. 49 (Rabe); Anonym. Vit. Dem., vol. V, p. 360 (Dobson).

Дип. 11), возбудил судебное дело против детей незадолго до этого умершего Ликурга, обвинив их отца в финансовых преступлениях. Сыновья Ликурга были приговорены к штрафу и брошены в тюрьму (Vit. X or. 842E). Не приходится сомневаться в том, что таким образом сводились старые счеты²⁹. Кроме того, промакедонская партия, вероятно, уже давно прочила Менесехма на пост гелленотаμία, который в течение 12 лет занимал Ликург. Итак, здесь тесно переплетались личные и партийные мотивы. В глаза бросается общность сложившейся ситуации осуждения Демосфена и сыновей Ликурга, что с успехом и было использовано автором письма. Обстоятельства дела, отображенные в письме, хорошо подтверждаются другими нашими источниками. В защиту детей Ликурга выступили Демокл, ученик Феофраста (Vit. X or. 842E), и Гиперид, среди утраченных речей которого имелась речь под заглавием Ὑπὲρ τῶν Λικουρῶν παίδων (fr. 118 Blass), в результате чего дети Ликурга были освобождены и позднее, в 307/306 г., на основании декрета Стратокла в честь Ликурга старший из них Ликофрон удостоился обеда в Пританее³⁰.

Большая часть письма отведена защите характера политической деятельности Ликурга (Ер. III, 1—36). Все, что говорится о нем, безупречно согласуется с сохранившимся декретом Стратокла. В противоположность продажным политикам из оппозиционного лагеря Ликург изображается как человек бесконечно преданный народу, не изменивший своим принципам в самое бедственное время для государства (Ер. III, 2). Защищая антимакедонянина Ликурга и указывая на несправедливое отношение к нему сограждан (Ер. III, 8—9, 14), Демосфен имеет в виду и себя, разделившего участь с человеком, принесшим огромную пользу государству. Слова «справедливость», «польза», пожалуй, чаще других появляются в тексте письма. Так мог писать только незаслуженно оскорбленный политический деятель, положивший всю свою жизнь на благо народа. Отсюда становится понятным, почему лейтмотивом письма является не униженная просьба об оправдании, но достойная защита людей, составляющих партию патриотов, от которой автор не отделяет себя, и порой резкое требование от сограждан отдать должное защитникам их интересов. Еще резче становится тон письма, когда Демосфен описывает собственное положение (Ер. III, 37—45). Он дважды приводит один, но красноречивый пример оправдания Аристогагона и, говоря о своем осуждении, советует афинянам прикрыть лица от стыда. Свое осуждение он квалифицирует не иначе, как преступление, допущенное против него (Ер. III, 37, 42). В заключении, почувствовав излишнюю резкость своих слов, Демосфен делает попытку смягчения (Ер. III, 45). Все письмо выдержано в едином духе и показывает оратора, с достоинством несущего тяготы изгнания.

Совершенно противоположен тон письма II. На всем его протяжении звучит смиренная просьба об оправдании человека, сломленного физически и морально (Ер. II, 2—3, 12, 16—17, 20—21, 23, 25—26). Постоянные слова о преклонном возрасте, стыде, страданиях и ни одного сколько-нибудь резкого выпада в адрес сограждан в связи с несправедливым осуждением. Если в письме III Демосфен точно определяет, на каких условиях он мог бы возвратиться на родину, и упрекает афинян в непонимании (Ер. III, 39), то в письме II кроме оправдания вообще оратора уже ничто не интересует: он готов умереть не добившись признания (Ер. II, 21).

По существу, мы имеем дело здесь с двумя совершенно противоположными позициями оратора и с различной трактовкой оправдания или, вернее, с полным отсутствием ее в письме II. Пожалуй, в этом состоит одно из

²⁹ См. P s.-P l u t., Vit. X or. 843D; P o l l u x, Onomast. VII, 137.

³⁰ IG. II², 457 (Syll³. 326); см. также Vit. X or. 851f — 852e.

важных отличий письма III от письма II. При таком положении вещей первое предположение, которое мы можем себе позволить, должно заключаться в следующем: рассматриваемые письма, как это утверждается, не могли следовать во времени одно за другим.

Попытаемся теперь оценить негативные, а вместе с тем отметить и позитивные стороны писем II и III, говорящие за или против их подлинности. Как уже указывалось, оба они (особенно это касается письма III) полны подробностей, в том числе содержат такие сведения, которые мы получаем лишь отсюда. Письмо II сообщает о том, что в то время как Демосфен находился в изгнании, другие (остальные) обвиняемые, проходившие по делу Гарпала, были оправданы. Этот прецедент оратор рассматривает как основание для собственного оправдания. Разноречивые показания не позволяют с уверенностью судить, идет ли речь о всех привлеченных к ответственности или только о некоторых (Ер. II, 2, 16, 21). Однако случай Демада мог бы подтвердить сообщение. Кроме того, надпись из Оропа³¹, содержащая декрет об увенчании должностных лиц и среди них Филокла в качестве космета 324/323 г. за подготовку эфегов фило Леонтиды свидетельствует также о том, что последний был оправдан. Стратег, под началом которого в 325/324 г. был Пирей, Филокл, согласно Динарху (III, 15), обвиненный во взяточничестве, голосованием был отстранен от должности космета на следующий 324/323 г. Между тем в письме III (31) указывается, что Филокл, как и Демосфен, находился в изгнании. Очень естественно предположить о возвращении Филокла из ссылки и его восстановлении в должности космета³². Из письма III мы также узнаем об оправдании Аристогонита и о состоянии дел Демосфена вскоре после его осуждения. Высказывая намерение возвратиться в Афины, оратор просит предоставить ему гарантию безопасности, а вместе с нею дать возможность собрать деньги для выплаты штрафа (Ер. III, 39). Замечание о том, что срок выплаты штрафа еще не истек, дает нам исключительно только здесь надежную хронологическую точку опоры для датировки как нахождения Демосфена в изгнании, так и самих писем³³. Этот срок ограничивался наступлением девятой притании, начало которой приходилось на июнь³⁴. Следовательно, если девятая смена пританов еще не наступила, то письмо III датируется одним из весенних месяцев 323 г. Итак, из контекста следует, что Демосфен мог уплатить установленную сумму штрафа, только находясь на свободе или, вернее сказать, имея свободу передвижения. Трудно предполагать, какие источники для получения средств имел в виду оратор. Во всяком случае, он считает полезным напомнить, что никакого другого имущества, кроме «видимого» (ἐξὸ τοῦ φανεροῦ), у него нет, но и его он теряет, так как «с самого начала по настоянию некоторых лиц согласился подписаться под уплатой взносов, чтобы они не платили в двойном размере за

³¹ См. C. Michel, Recueil d'inscriptions grecques, Suppl. II, Bruxelles, 1920, № 1704.

³² О Филокле см. T r e v e s, RE, Hbhd. XXXVIII, 1938, стб. 2489—2491, s. v. Philokles; G o l d s t e i n, ук. соч., стр. 276—281; C o l i n, ук. соч., стр. 322—323; G. M a t h i e u, Notes sur Athènes à la veille de la guerre lamiaque, Rev. de phil., III, 1929, стр. 159 слл.

³³ Время пребывания Демосфена в ссылке определяется лишь приблизительно. Все хронологические данные, связанные с процессом Гарпала и Ламийской войной, слишком шатки, чтобы на их основании можно было датировать письма. О хронологии см. G o l d s t e i n, ук. соч., стр. 45—48; B a d i a n, ук. соч., стр. 16 слл.; S c h a e f e r, Demosthenes und seine Zeit, III², стр. 304—350; A d a m s, ук. соч., стр. 124 слл.; K ö r t e, ук. соч., стр. 219 слл.; P. T r e v e s, Notes sur la chronologie de l'affaire d'Harpal, REA, XXXVI, 1934, стр. 513 слл.; G. M a t h i e u, Quelques remarques sur Démosthène, REA, XXXIX, 1937, стр. 375—380.

³⁴ См. B. D. Meritt, The Athenian Year, Berkeley — Los Angeles, 1961, стр. 105; Э. Б и к е р м а н, Хронология древнего мира, М., 1975, стр. 29—30.

то, за что не были в состоянии выплатить в ординарном» (Ер. III, 40). Интерпретация Блассом³⁵ этого места хорошо объясняет обстановку в Афинах, когда государство с особой строгостью взыскивало долги, удваивая просроченные суммы, но на льготных условиях позволяло вместо удваиваемой суммы штрафа вносить дар от лица самого должника или от лица его друзей и родственников. Таким образом, можно догадываться, что сложившаяся ситуация очень тревожила Демосфена. Во-первых, на исходе был срок выплаты штрафа в ординарном размере, который не мог сразу уплатить ни сам Демосфен, ни его друзья и для выплаты которого требовалось какое-то время. И, во-вторых, наступление девятой притани означало окончательную потерю имущества, которое, отданное под залог уплаты двойного размера штрафа, еще можно было бы спасти. В связи со всем этим не раз высказывалось мнение, что фальсификатору, будь он пропагандист или ритор, едва ли удалось бы изобразить столь специфически точную ситуацию.

Вместе с тем в письме III упоминается множество реальных исторических лиц, что уже само по себе является хорошим аргументом в пользу его подлинности. Единственная трудность здесь возникает при объяснении логической непоследовательности в примере с Лахетом и Мнесибулом (Ер. III, 24—26). Может быть, это проистекает из нашей неосведомленности. Имя Мнесибула и его судебное дело для нас неизвестны вообще. В глаза бросается, однако, что ему, подобно Ликургу, дается весьма лестная характеристика, тогда как ни хорошим, ни дурным словом не упоминается Лахет. Если еще обратить внимание, что Мнесибул был оправдан исключительно по инициативе народа, а Лахет — благодаря заступничеству Александра, то становится заметным некое противопоставление, смягченное тем, что оба решения отнесены к разряду справедливых. Оратор, разумеется, не мог позволить себе откровенного выпада против Александра. Неувязанным остается лишь то, что бедствие, приключившееся с Мнесибулом, названо βεβαιος (Ер. III, 23). Может быть, тем самым Демосфен хотел сказать, что за ним вообще не было никакой вины. И как знать, не звучат ли тогда слова о справедливости оправдания Лахета иронически? Во всем письме нет другого более сложного места, которое заслуживало бы упреков со стороны содержания или выглядело бы анахронизмом.

Наиболее концентрированное выражение в письме находит мысль о положении политических группировок в Афинах и об отношении к ним народа. Это одна из главных тем послания. Развивая ее, переходя от частного к общему и наоборот, Демосфен констатирует, что людям, предающим интересы родины, все сходит с рук и они процветают, а истинных патриотов становится все меньше, и что народ часто бывает к ним равнодушен и неблагодарен (Ер. III, 27). В сознании оратора могли возникнуть при этом имена Харидема, Эфиальта и Евтидика (Ер. III, 31—32), упомянутые Динархом на процессе Гарпала (Din. I, 32—33), которых тот пытался противопоставить Демосфену. Оратор, не отделяя их от себя, добавляет к этим именам и другие, подчеркивая, что некоторые из них, как Харидем, Филокл и он сам, удалены были от дел государства не волею судьбы, а волею сограждан. Из противоположного лагеря Демосфену, вероятно, достаточно было привести самые одиозные фигуры Аристогитона, Мерокла и Пифея, чтобы полностью его дискредитировать. Скандальной репутацией сикофанта пользовался Аристогитон, а Мерокл, по слухам, был подкуплен Гарпалом³⁶,

³⁵ B l a s s, Die attische Beredsamkeit, III², 1, стр. 447.

³⁶ См. фрагмент из комедии Гимокла «Делос» — A t h e n. VIII, 341e — 342a (= Kock, CAF, II, 452), где перечисляются имена лиц, заподозренных в подкупе. Среди них названы Демосфен, Гиперид, Мерокл, Демон, Каллисфен.

Пифей же, один из десяти общественных обвинителей, подтверждая слова письма о нем, в самом начале Ламийской войны открыто переметнулся к Антипатру (Plut., Dem. XXVII). Инвектива против Пифея, его характеристика как платного агента македонян и сообщение о его участии в дельфийских жертвоприношениях дали богатую пищу для дискуссий. Казалось, что установление характера торжества и в особенности определение его хронологических границ сделают возможным не только оценить достоверность сообщаемых сведений, но и помогут пролить свет на вопрос о подлинности рассматриваемого письма. Однако мнения исследователей разошлись уже при отнесении жертвоприношений к какому-то определенному событию. Одни считали, что это происходило на ежегодной весенней сессии амфиктионии³⁷, и тогда Пифей в качестве гиерамнемона или пилатора мог представлять афинскую делегацию в Дельфах. Другие видели в них жертвоприношения, совершающиеся на Пифаиде³⁸, священном посольстве в Дельфы, время отправления которого зависело от наблюдения молнии (*ἀρμα*). Как считает А. Бозтий³⁹, в IV в. посольство отправлялось в *таргелионе*, т. е. мае месяце. Но праздновалась ли Пифаида в 323 г., остается неизвестным. Кажется, нет достаточных оснований, чтобы сомневаться в возможности участия Пифея в этой последней миссии в качестве пифаиста. Таким образом, и то, и другое допущение ни фактически, ни хронологически не противоречит смыслу сообщения письма. Важно, однако, отметить, что оба празднества совершались весной, т. е. не после, а до или во время написания письма. Это означает, что отнюдь не подкрепляется гипотеза Виламовица⁴⁰ и его последователей о письме как о пропаганде, актуальность которой определялась последующим поведением Пифея.

Нельзя согласиться и с другим доводом, якобы говорящим, что письмо отражает события, происходившие гораздо позднее его написания. По мнению Тревеса⁴¹, Пифей в 324 г. протестовал против предоставления Александру почестей бога⁴², а в мае-июне 323 г. еще оставался сторонником антимакедонской партии, и тем не менее в письме он изображается как предатель, что возможно было, по Тревесу, только после его перехода к Антипатру. Так делается попытка определить время перемены Пифеем политической ориентации. Но обратимся к контексту (Ер. III, 29—30). Из него с несомненностью вытекает, что Пифей действует тайно, а не явно. Слова о его неожиданном богатстве весьма прозрачно намекают на то, что он является тайным агентом македонян. Вероятно, именно Пифея имеет в виду Демосфен, когда предостерегает афинян против людей, действующих за плату (Ер. III, 34). Свидетельство же о том, что Пифей первое время был предан народу, а затем обратился против него, конечно, нельзя отождествлять с его открытым переходом на сторону македонян. Этот процесс порчи политического деятеля протекал постепенно и завершился затем откровенным предательством. Что же касается достоверности некоторых сообщаемых деталей, то укажем на следующее. В письме говорится о том, что Пифей обвинялся в присвоении гражданских прав. Этот случай засвидетельствован Дионисием Галикарнасским, согласно которому, у Динарха была речь под названием *Κατὰ Πυθέου ἐπιτιμαί* (De Din. 10).

³⁷ Schaefer, Demosthenes und seine Zeit, III², стр. 349; Blass, Die attische Beredsamkeit, III², 1, стр. 285; Goldstein, ук. соч., стр. 51; Treves, Epimetron arpalico-demostenico, стр. 265.

³⁸ Bickerman, ук. соч., стр. 55.

³⁹ A. Boëthius, Die Pythais, Uppsala, 1918, стр. 2 слл., 22—23. См. также Ziehen, RE, 2-te R., Bd. V, 1934, стб. 2229—2230, s. v. Theoria.

⁴⁰ Wilamowitz-Moellendorf, ук. соч., стр. 497.

⁴¹ Treves, Apocriphi demostenici, стр. 243.

⁴² Plut., Praec. ger. reip. 804B; см. Gärtner, RE, 2-te R., Bd. XXIV, 1963, стб. 366—369, s. v. Pytheas.

Оговорим теперь те места письма III, которые рассматриваются иногда как заимствованные⁴³. По существу, почти всюду мы сталкиваемся здесь с параллелями, имеющими очень приблизительное сходство, так что все они могут быть отнесены к категории общих мест, не дающих никакого права утверждать об использовании того или иного источника. В самом деле, можно ли иначе расценивать слова письма об Афинах как о всеобщем прибежище греков (Ер. III, 11, ср. Aesch. III, 134) или видеть заимствование (Ер. III, 45) из десятой речи, не принадлежащей Демосфену (X, 41), в уподоблении государства родителям (ср. Dem., XVIII, 205; Luc. 101; Plat. Leg. VII, 804d)? Столь же мало вероятно, что мысли § 8, 9 письма появились в первом случае благодаря демосфеновской речи II (4), а во втором — XX (86). Мотив «пользы» (συμφέρον) при переходах у ораторов настолько всеобщ, что на нем нет нужды останавливаться. Что же касается некоторого сходства второй мысли (Ер. III, 9 и Dem. XX, 86), то оно легко объясняется сходством ситуаций в разных контекстах. В таких случаях доказательную силу могли бы иметь текстуальные совпадения, однако их нет. Единственное место, которое могло бы внушить подозрение в этом отношении, встречается в § 41 письма, где не только мысль, но и частично выражение идентичны месту проэзия демосфеновского корпуса (Ер. III, 41: καὶ τότε φησὲτε δεῖνὰ πεπονθέναιμ', ἀκριβῶς οἶδα, ὅτι οὐτ' ἐμοὶ πλέον οὐδὲν οὐθ' ὑμῖν ἔσται. Прооет. 2: εἶτα τὸτ' αἰσθησθεθε ἡμαρτηχότες, ἡνικ' οὐδ' ὅτι οὐδ' ὑμῖν πλέον ἔσται). Но и здесь вследствие слишком общего характера высказывания трудно усмотреть прямую зависимость одного текста от другого. Перед нами, скорее всего, распространенный риторический штамп. К сказанному добавим, что из всего сборника письмо III является, если так можно выразиться, самым чистым в языковом отношении. Как уже отмечалось, в нем не содержится слов, которые были бы неупотребительны в ораторской прозе IV в. до н. э.⁴⁴ Из выражений некоторые сомнения вызывают лишь два: ни у Демосфена, ни у других ораторов не встречается выражение ἐκ τοῦ περιόντου (Ер. III, 36), которое, однако, имеется у Фукидида (VIII, 46) и Демокрита (fr. 144B Diels). И непонятным остается значение τοὺς βίους во фразе τοὺς βίους ἐσφίσετε ... ἀνθρώπων (Ер. III, 26), что, по-видимому, могло появиться в результате плохой сохранности текста. По сравнению с письмом II в письме III несколько чаще встречаются зияния, но значительно меньше (почти в два раза) нарушений закона Бласса⁴⁵. На письмо III приходится, пожалуй, большее количество повторов. Не принимая во внимание повторения отдельных мыслей, укажем лишь на один случай, бросающийся в глаза. Это — трижды повторенное в разных местах выражение κοινὸν ὄνειδος (Ер. III, 28, 30, 38).

Столь же мало заслуживает порицаний и стиль письма II. За исключением четырех поэтизмов — ἀνελεγχτος (16), ἀβουλεῖν (17), ἀνεγκλητος (14), ὀδύνηρος (15), не встречающихся во всем корпусе речей аттических ораторов⁴⁶, ни одно слово письма не может быть признано как непринадлежащее Демосфену. И лишь клятвенная формула ὡς ἴστωσαν οἱ θεοὶ καὶ ἡρώες (16) не находит себе аналогий ни у Демосфена, ни у других ораторов IV в.⁴⁷

Намного сложнее обстоит дело с содержанием этого письма, посвященного защите политической деятельности Демосфена, а в связи с этим и с мотивами, перекликающимися с речью «О венке». Здесь большое подозрение

⁴³ См. Neupert, ук. соч., стр. 26.

⁴⁴ См. Sachsenweger, ук. соч., стр. 18—24.

⁴⁵ Blass, Die attische Beredsamkeit, III², 1, стр. 447 сл.; Neupert, ук. соч., стр. 73; Sachsenweger, ук. соч., стр. 45—46; Vogel, ук. соч., стр. 94.

⁴⁶ Sachsenweger, ук. соч., стр. 20.

⁴⁷ Там же, стр. 36—38; Neupert, ук. соч., стр. 67.

вызывают три места, совпадающие не только по содержанию, но и в значительной мере текстуально⁴⁸. Итак, речь идет отнюдь не об общих местах. В таком случае, что это — заимствования или повторы, которые мог позволить сам себе Демосфен? Подозрения возникают не из-за того, что со времени процесса Ктесифонта никаких принципиальных изменений в политических взглядах Демосфена не произошло и что оратор семь лет спустя мог повторить, защищая себя, те же аргументы⁴⁹. Вопрос состоит в том, мог ли Демосфен так аккуратно, почти дословно, особенно как в случае с Пифоном Византийским (Ер. II, 10 — Dem. XVIII, 244; ср. [Dem.] VII, 20—23), вспомнить то, что он говорил по прошествии нескольких лет? Имея примеры дословных переносов целых фраз и кусков из речи в речь у Демосфена, можно было бы ответить на этот вопрос положительно, но предполагая при этом, что оратор пользовался своим же архивом. Предполагал ли Демосфен какими-то материалами в условиях изгнания, решить невозможно. Во всяком случае, если даже допустить, что Демосфен по памяти пересказывает самого себя, все равно остаются сильные сомнения, тем более, что с примерами прямого использования речи «О венке» мы сталкивались уже в письмах I и IV.

Поистине, камнем преткновения стало для исследователей одно место в письме, где сообщается о храме Посейдона на Калаврии и об опасности, грозящей Демосфену (Ер. II, 20). Дело в том, что в 322 г. после поражения афинян в Ламийской войне Демосфен вновь вынужден был бежать. По предложению Демада ему и другим сторонникам патриотической партии, в том числе и Гипериду, афинский народ вынес смертный приговор (Plut., Dem. XXVIII). Последним убежищем оратора стало святилище Посейдона на о-ве Калаврия, где Демосфен, не желая попасть в руки сообщников Антипатра, покончил с собой, приняв яд (Plut., Dem. XXXIX—XXX; Ps.-Dem., Vit. X or. 846E—847B). Таким образом, в глаза бросается странное совпадение, которое выглядит как предсказание на основании происшедшего. Этот «намек» в руках сторонников взгляда на весь сборник писем как фикцию остается одним из самых весомых и мощных аргументов в пользу позднейшего его возникновения, который до сих пор никому не удалось опровергнуть. Предпринимались попытки двойного рода — установить, действительно ли Демосфен дважды останавливался на Калаврии и насколько реально ему угрожала опасность. По первому вопросу, вследствие разнобоя в показаниях наших источников, можно лишь предполагать, что Демосфен и во время первого своего изгнания был на Калаврии. Прямо об этом говорит только Павсаний (I, 8, 2—3). Удивительно, что Плутарх, по общему признанию, пользовавшийся для составления биографии оратора материалом письма II, в том месте, где должен был бы указать на Калаврию, сообщает об Эгине и Трезене (Dem. 26). Итак, ничто не говорит ни за, ни против пребывания Демосфена на о-ве Калаврия⁵⁰.

⁴⁸ Ср. Ер. II, 9 и Dem., XVIII, 277; Ер. II, 10 и Dem., XVIII, 244; Ер. II, 10 и Dem., XVIII, 136 (приведено у Нойперта, ук. соч., стр. 26—27). Бласс (Die attische Beredsamkeit, III², 1, стр. 449 сл.) по поводу этих мест считал, что они так же хорошо говорят как против подлинности, так и за нее. Те же аргументы приводят Заксенвегер (ук. соч., стр. 16—17) и Голдстейн (ук. соч., стр. 29). Однако следует подчеркнуть, что, например, речи X, XI, XIII, приписываемые в древности Демосфену, отвергаются современными исследователями как неподлинны главным образом из-за того, что они дословно или в переработке повторяют другие речи Демосфена, в частности первые три филиппики и олинфские (см. Радциг, ук. соч., стр. 522, 526, 531 сл.).

⁴⁹ Goldstein, ук. соч., стр. 30.

⁵⁰ См. Neupert, ук. соч., стр. 32—34; Schaefer, Sind die demosthenischen Briefe echt oder nicht? стр. 163; Wilamowitz-Moellendorf, ук. соч., стр. 497; Mathieu, Quelques remarques sur Démosthène, стр. 377—378; Blass,

Второму вопросу в свое время была посвящена обстоятельная статья Э. Бикермана⁵¹, который, подробнейшим образом разбирая политическую ситуацию в Греции, сложившуюся к 324/323 г., останавливается, в частности, и на статусе Трезены и Калаврии. Без всякого предубеждения Бикерман приходит к заключению, что оратор, будучи в Трезене или даже на Калаврии под защитой святости храма Посейдона, не мог считать себя находящимся в полной безопасности. Трезена как член Коринфской лиги, несмотря даже на то, что к 322 г. имела демократическое управление, по существующему договору, если бы поступило требование, обязана была выдать человека, действовавшего вопреки интересам союзников. Если именно это имеется в виду в письме, то в истинности сообщения сомневаться не приходится. Но, с другой стороны, упоминание о нависшей опасности может быть и преувеличением, служащим фальсификатору для целей *commiseratio*, тем более что выбор Трезены в качестве убежища мотивируется указанием на особые отношения, установившиеся между афинянами и трезенянами еще со времени Греко-персидских войн (Ер. II, 18), что само по себе имеет отношение к области риторики⁵². Очень неожиданным оказывается конечный вывод Бикермана, который считает, что слова письма, кажущиеся как *vaticinium ex eventu*, вполне могли принадлежать Демосфену, но еще скорее, — вложенные в уста оратора после мученической смерти, — его племяннику Демохару. В связи с последним можно было бы поискать, как это делает Голдстейн⁵³, и другие места, которые содержали бы намек на близкую гибель Демосфена. Пожалуй, наиболее выразительным в этом отношении будет замечание оратора в письме III (41): «Ничего из этого вы не принимаете во внимание, но недоброжелательно отказывая мне в словах и человеколюбию, вы допустите, если бы такое произошло, чтобы я погиб по вашей вине; ведь я, пожалуй, не стал бы просить о помощи никого другого, кроме вас. И тогда, я в этом уверен, вы скажете, что я подвергся страшным мукам, в то время как это будет уже ни к чему ни мне, ни вам». Однако в качестве «предсказания» это высказывание имеет одно существенное отличие: здесь наблюдается однолинейное совпадение, тогда как в первом случае оно проходит по двум линиям — по месту и исходу.

Как бы там ни было, но и в вопросе о *vaticinium ex eventu* все обстоит слишком неопределенно, чтобы решительно судить о неподлинности письма II. И, однако, эти неясности, пока рождающие лишь подозрения, заставляют искать дополнительных данных, которые могли бы их усилить или, напротив, снять. Как представляется, такую более или менее надежную опору дает попытка установления хронологических рамок написания письма II. Со времени появления статьи Тревеца⁵⁴, усомнившегося в подлинности письма II на том основании, что его свидетельства противоречат фактам письма III, стал совершенно неприемлемым господствовавший до этого взгляд о непосредственном предшествовании письма II письму III. Так, почти безоговорочно принималось, что письмо II могло быть написано

Die attische Beredsamkeit, III², 1, стр. 441 сл.; Treves, *Apocriphi demostenici*, стр. 245 сл.; Goldstein, ук. соч., стр. 68—70.

⁵¹ Bickerman, ук. соч., стр. 57—61; см. также E. Meyer, RE, 2-te R., Hbhd. XIII, 1939, стб. 618—654, s. v. Troizen; U. v. Wilamowitz-Moellendorf, Die Amphiktionie von Kalaurea, «Nachrichten von d. Königl. Gesellsch. d. Wiss. zu Göttingen», philol.-hist. Klasse, Ht 2, 1896, стр. 158—170.

⁵² Ср. Dem., XXII, 13; XIX, 303; XVIII, 204; Lys., II, 19—34; Isocr., XV, 233; XII, 50; VI, 83; VIII, 43; Hyperr., Epit. 37; Lycurg., C. Leocr. 68—69; Herod., VIII, 41, 1; Plut., Them. X.

⁵³ Goldstein, ук. соч., стр. 71.

⁵⁴ Treves, *Apocriphi demostenici*, стр. 239 сл.

в апреле, а письмо III — в мае 323 г.⁵⁵ Что же касается их непосредственного следования одного за другим, то право на такое заключение давала их чрезвычайная близость по содержанию, а также свидетельство, что перед письмом III Демосфен уже отправил какое-то письмо, относящееся к его собственным делам (Ер. III, 1). Треверс указал лишь на одну деталь, целиком подорвавшую авторитет прежнего мнения. В письме II, которое, по мысли Бласса и Заксенвегера, является более ранним, говорится о том, что некоторые другие или даже все обвиняемые, привлеченные по делу Гарпала, получили оправдание (Ер. II, 2, 15, 16, 21, 26), тогда как в более позднем письме III передается, что был оправдан один Аристокитон (Ер. III, 37, 42). Эта несогласованность свидетельств заставила затем Голдстейна⁵⁶, защищавшего подлинность первых четырех писем, переставить местами то и другое письмо. Основываясь же на сообщении о каком-то неизвестном письме, предшествующем письму III, он пришел к справедливому заключению, что этого письма в нашем сборнике нет и что оно для нас, вероятно, безвозвратно утеряно. Сделанная им попытка реконструкции содержания этого пропавшего письма выглядит достаточно убедительно. В частности, в нем должна была идти речь об условиях возвращения Демосфена на родину (Ер. III, 39). Это как раз то, что отсутствует в письме II. Но, с другой стороны, ни в коей мере нельзя согласиться с Голдстейном относительно того, что письмо II следовало непосредственно за письмом III. Этому препятствуют несколько соображений. Вот что говорится в § 37 письма III: «...я хотел бы с дружеской благожелательностью попенять вам, теперь вкратце, а немного позднее — в большом письме, которое можете ждать, пока я буду жив, если прежде не последует ваше справедливое решение относительно меня». Можно ли утвердительно ответить на то, что письмо II является тем «большим» письмом, которое имеет в виду Демосфен? По всей вероятности, нет. Используя все имеющиеся у нас возможности, приходится констатировать, что письмо III содержит 45 параграфов, а письмо II — всего 26. Но если даже считать, что приведенное выше замечание соразмеряется лишь со второй частью письма (Ер. III, 37—45), то *μέγιστα* не имеют никакого отношения к письму II. Нам уже приходилось говорить о сильном различии общего духа писем II и III. Просительный тон письма II никак не соответствует обещанию оратора высказать дружеские упреки в адрес сограждан.

Итак, следует сделать вывод о том, что мы не досчитываемся еще одного письма Демосфена, которое следовало за письмом III и которое, предположительно, имело своим содержанием конкретные указания на несправедливые действия афинян в отношении оратора. В итоге все письма сборника оказываются разрозненными, а это в свою очередь значительно ослабляет позиции письма II, так как оно, заподозренное в нескольких отношениях, претендует на ближайшую связь с письмом III.

Выскажемся еще более определенно. Это письмо вообще не представляется возможным датировать ни ранее, ни позднее письма III. В самом деле, сообщение об оправдании обвиняемых по делу Гарпала, казалось бы, дает неопровержимое доказательство того, что оно написано после письма III, но, с другой стороны, объяснение причин ухода в изгнание, указание на место нахождения и горделивое замечание о том, что оратор не уклонился от возбужденного против него процесса (Ер. II, 17—20, 22), создают полное впечатление свежести происшедших событий. Так мог писать Демосфен в своем первом письме из ссылки. Но это и первое положение

⁵⁵ Neupert, ук. соч., стр. 35; Blass, Die attische Beredsamkeit, III², 1, стр. 440; Sachsenweger, ук. соч., стр. 10; Bickermann, ук. соч., стр. 55.

⁵⁶ Goldstein, ук. соч., стр. 48—53.

взаимоисключающи, и нам ничего не остается, как признать письмо II фикцией.

Очень похоже, что автор письма II, сообщая «новые» данные, пытался тем самым придать своему творению некую достоверность. Так, вообще надуманным выглядит аргумент выбора места ссылки. Можно ли поверить в то, что Демосфен, избрав Трезену, затем мог использовать этот факт как доказательство своей преданности родине? Выходящая за рамки темы небольшого письма подробность о Трезене и Калаврии и распространение весьма сомнительного содержания по этому поводу, более могли подходить целям фальсификатора, стремившегося показать свою осведомленность, чем целям Демосфена, пытавшегося таким образом разжалобить афинян. Сюда же относится замечание о том, что дело Демосфена в ряду обвинений слушалось первым (Ер. II, 14; ср. Din. I, 105—106), и сообщение об оправдании других обвиняемых — деталь, на которой строятся все письма. В остальном автор удовольствовался общими рассуждениями.

Итак, подчеркнем, что у нас нет никаких оснований считать неподлинным письмо III⁵⁷, составленное в защиту детей Ликурга. Что же касается писем IV, I и II, то они, написанные с разной степенью мастерства (безусловно, предпочтение заслуживает письмо II), должны принадлежать одному и тому же автору. За это убедительно говорит сохранение в них закона Бласса. Судя по данным стиля, все три письма могли быть написаны человеком, близко стоявшим к событиям эпохи, по всей вероятности, в конце IV или начале III в. до н. э., во всяком случае, до времени систематизации трудов Демосфена александрийскими учеными. По-видимому, письмо V, принадлежащее другому автору, появилось несколько позднее писем IV, I, II, но также перед сведением произведений Демосфена в один том. И лишь письмо VI, скорее всего, относится к тому времени, от которого мы и получаем в основном литературную продукцию такого рода.

На основании двух свидетельств письма III о том, что Демосфен одно письмо уже написал (1) и намеревается написать другое (37), можно сделать предположение о существовании нескольких подлинных писем оратора, которые либо вскоре были утеряны, либо никогда не публиковались. Из них сохранилось либо было опубликовано только письмо III. По-видимому, именно оно с его свидетельствами поддало мысль неизвестному риторю восполнить имеющийся недостаток. Можно представить характер работы автора над письмами II, I, IV. Прежде всего об этом свидетельствует вводившая в заблуждение исследователей близость содержания писем II и III. Последнее письмо, без всяких сомнений, могло послужить прекрасным образцом того, как и что должен был писать Демосфен из изгнания. То, что это могло произойти именно так, доказывают многочисленные параллельные места, искусно имитирующие манеру Демосфена. Однако для автора здесь возникали и трудности — материал письма III не был неисчерпаемым. Отсюда проистекает один важный недостаток рассматриваемых трех писем: бедность в «нахождении». Причем по этому принципу письма располагаются в следующем порядке: II, I, IV. Принятой нами гипотезе о письме III как об образце соответствует и то, что уже автор самого позднего письма IV явно ориентировался на имеющийся перед ним сборник писем. Если это не так, то тогда трудно объяснить совпадение выражения *εις κεφαλῆν τρέπειν* в письмах IV (1) и IV (10).

Попытаемся, однако, подкрепить это положение аргументацией. Начнем с письма II. Отправной точкой для постоянно повторяющегося мотива

⁵⁷ См. аргументацию в пользу аутентичности письма III: L. Grassesi, Un'interpretazione della III epistula demostenica, «Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche della Accademia dei Lincei», XXI, 1966, стр. 35—45; В. Гауа (Goldstein, ук. соч., Appendix VI, стр. 274 сл.).

оправдания других лиц (Ер. II, 2, 15, 16, 21, 23, 26) могли послужить слова письма III (42): «...вы ...оправдали Аристоклота в том, за что изгнали Демосфена». Далее оратор пишет: οὐτε γὰρ ἄξιός οὐτε ἐπιτήδειός οὐτε χεῖρων (Ер. III, 43). Автор письма II создает не только подобную ситуацию, но и стремится использовать ту же конструкцию с теми же или подобными словами: οὐτ' ἐγὼ χεῖριστος οὐδ' ἀπιστότατος φανήσομαι τῶν διαβληθέντων (Ер. II, 16). Это же место письма III (42), содержащее резкий выпад в адрес Ареопага, дает возможность имитатору задержаться еще на одной мысли — о несправедливости решения, вынесенного Советом Ареопага (Ер. II, 1—2, 13—14, 15—16). Вообще говоря, весьма сомнительным выглядит то, что передается здесь об этом судилище. Так, в письме III резкость допускается лишь по одному определенному поводу, а в письме II автор не останавливается перед полной дискредитацией Ареопага, характеризуя его как орган олигархической власти. Со стороны Демосфена такая характеристика представляется невозможной, ибо тогда окажется, будто оратор впрямь следует словам Динарха, который предполагал, что Демосфен, вверив все расследование дела Ареопагу и выставив порукой своей невиновности смерть, станет говорить об олигархических устремлениях Совета (Din I, 1, 7, 62). Думается, автор подделки несколько переоценил силу высказывания Демосфена. В самом деле, если в письме III (43) речь идет лишь о справедливости (δίκαιον εἶναι), то куда более серьезными понятиями оперирует письмо II — πολιτεία, δυνάστηα (1—2).

Не более как копированием можно объяснить другие бросающиеся в глаза совпадения. Так, пример с Филиппом (Ер. III, 11—12) дает автору письма II возможность в свою очередь обратиться к Филиппу (7—8). Однако то, что передается у него о македонском царе, уже соответствует мысли из речи «О венке» (XVIII, 300, 244). В письме III указывается, что Демосфен не принимал денег от Гарпала (42), в письме II — что он не входил в число друзей Гарпала (14). В письме III сообщается о том, что реки порицают афинян за действия против детей Ликурга и что Демосфен не во всем с ними согласен (7), в письме II (19) показывается, что теперь уже трезвение порицают афинян за неверные действия в отношении Демосфена и что он при этом держал себя достойно. Место из письма II (4), где указывается, что остальным грекам известно, какую пользу принес Демосфен афинянам, соответствует месту в письме III (6), где говорится, что каждому из греков известно, как почитали афиняне Ликурга при жизни. Мысль о том, что теперь вследствие неподобающего отношения к детям Ликурга город имеет дурную славу (Ер. III, 5), странным образом находит отражение в письме II (3). Здесь подчеркивается, что афиняне должны оправдать Демосфена, чтобы сохранить свое доброе имя у остальных людей. Наряду с этим к одному из лейтмотивов письма III, содержащему мысль о неравном положении людей, защищающих интересы народа, и людей, действующих против него (18, 23), близко примыкает антитеза письма II (6), где противопоставляются Демосфен и деятели оппозиционной партии.

Очень похоже, что на общий тон письма II сильнее всего повлияли заключительные слова письма III (45). Демосфен, стремясь ослабить резкость своих упреков, приходит к выводу, что в конечном счете ему следует примириться с существующим положением дел и сносить сограждан таковыми, какие они есть. Более обнаженно, без тех нюансов, которые имеются в письме III, а потому менее убедительно, высказывается та же мысль в письме II (22): «...я считал, что те, от кого я получил все почести и отличия, должны иметь право, если им угодно, и на неверные действия по отношению ко мне». Из ярких параллелей укажем еще на одну,

наглядно показывающую способ использования письма III в качестве прямого источника. Демосфен (Ер. III, 44), адресуясь к согражданам, говорит: «... что же касается добрых чувств, то я в такой же степени питаю их к вам, в какой хотел бы, чтобы вы их питали ко мне» (ἐπεὶ τῆ εὐνοία γ' οὕτως ἔχω πρὸς ὑμᾶς ὡς ὑμᾶς ἂν εὐξάμην πρὸς ἐμέ). Автор письма II (20), мотивируя переход Демосфена из Трезены на Калаврию, говорит: «... но также потому, что отсюда я каждый день вижу свою родину, к которой я испытываю такую любовь, какую я горячо желаю заслужить от вас» (εἰς τὴν τοσαύτην εὐνοίαν ἑμαυτῷ συνοίδα, ὅσης παρ' ὑμῶν εὐδομαί τυχεῖν). Вообще следует сказать, что в письме II почти нет ни одного мотива, в том числе и таких частных, которые не имелись бы в письме III, что, с одной стороны, создает сильнейшее впечатление близости обоих произведений, а с другой — заставляет видеть в письме II искусную подделку. Кроме того, это последнее письмо в сильнейшей степени страдает риторичностью.

Теперь о двух других письмах. В них уже отсутствует та близость по содержанию с письмом III, которой характеризуется письмо II. И тем не менее оба они в главных своих моментах все-таки отталкиваются от содержания письма III. Весьма вероятным представляется, что поводом для разработки письма I, имеющего своей темой *εὐνοία*, могла послужить одна фраза письма III (34): «Ныне сложившиеся обстоятельства требуют гораздо больше благожелательности, чем разногласий и неприязни». Другие близкие параллели между двумя этими письмами не наблюдаются. Заметим лишь, что некоторое сходство имеют начало (Ер. III, 1: *περὶ μὲν τῶν κατ' ἑμαυτὸν... τὴν πρότερον ἐπέμψα πρὸς ὑμᾶς*; ср. Ер. I, 2: *περὶ μὲν τῆς ἐμῆς οἰκιδ' ἀφίξεως αἰεὶ νομίζω πάντων ὑμῖν ἐσοῦσαι βουλευέσθαι, διόπερ ὄν... γέγραφα*) и самый конец писем, где одинаково употребляется слово *ἤττα* (III, 45, I, 15). Выше уже шла речь о том, что письмо I почти сплошь состоит из рассуждений самого общего свойства, так что весь его материал с учетом указанных заимствований следует оставить на совести автора. Такой же характер в рассматриваемом отношении имеет и письмо IV. Бесспорные точки соприкосновения прослеживаются лишь с письмом I, где сообщается о предсказаниях Зевса Додонского и о благой судьбе (Ер. IV, 3; Ер. I, 16). Однако одно выражение — *παρρησίας μεστός* — все-таки перешло из письма III (34) в письмо IV (11). Между тем для нас было бы важнее определить, какая мысль письма III могла бы дать толчок для развития темы *περὶ τῆς βλασφημίας*. Такое место с использованием того же слова находится в § 39 письма III. Здесь Демосфен в качестве одного из условий своего возвращения ставит избавление от несправедливо возведенного на него обвинения, которое он именуется как *βλασφημία*. А если сюда еще добавить, что инвектива против Пифея, содержащаяся в письме III (29—30), давала направление для обрисовки характера Ферамена (Ер. IV, 1, 10—11), то не возникает сомнений, что для опытного ратора этого было вполне достаточно, чтобы с оглядкой на речи Демосфена (XVIII) и Эсхина (III) и, может быть, Динарха, разработать благодарную тему.

Резюмируя сказанное выше, подчеркнем, что у нас нет веских причин отрицать подлинность письма III. Остальные три письма, по всей вероятности, не принадлежат Демосфену. Они, написанные одной рукой, могли быть составлены главным образом на базе письма III. Несколько слов об авторе. Высказанное Виламовицем мнение о пропагандистских целях писем, разделяемое затем Тревесом и Бикерманом, позволило последнему смело назвать автором племянника Демосфена Демохара. Не говоря уже о Демохаре, ораторе и выдающемся политическом деятеле конца IV в. до н. э., трудно вообще согласиться с таким взглядом на возникновение писем. Сошлемся здесь на сравнительно недавно появившийся труд

Голдстейна, в котором немало страниц посвящено этому вопросу. Голдстейн планомерно и с большой убедительностью показывает несостоятельность господствующей до сих пор точки зрения. Вместе с тем неприемлемым оказывается другой вывод Голдстейна. По его мнению, риторические сочинения и, в частности, письма на исторические темы начинают появляться только с I в до н. э.⁵⁸ Не исключая возможности существования этого жанра литературы в конце IV—начале III в., укажем на подложное письмо V, которое могло быть написано только до середины III в. Таким образом, ни в коей мере нельзя отбрасывать возможность составления указанных трех писем риторически образованным человеком.

Мы далеки от мысли считать проблему подлинности демосфеновских писем окончательно решенной. В настоящей работе затронута лишь часть вопросов, не получивших достаточного освещения в литературе последнего времени, которые, как представляется, имеют первостепенное значение в общем комплексе изучения писем. Предлагаемую интерпретацию следует рассматривать как одну из возможных гипотез, имеющую право на существование постольку, поскольку, на наш взгляд, еще остается простор для исследования самого текста, который и должен в первую очередь дать ответ на вопрос об атрибуции писем Демосфену.

⁵⁸ Письма I, II, IV едва ли можно отнести к категории *μελέται*. Это — сознательная литературная фальсификация. Кроме того, как указывает сам Голдстейн (ук. соч., стр. 31), точку зрения о существовании декламаций на исторические темы в IV в. до н. э. поддерживают В. Хофрихтер (W. Hofrichter, Studien zur Entwicklungsgeschichte der Deklamation, Breslau, 1935, стр. 81—82) и Р. Коль (R. Kohl, De scholasticorum declamationum ex historia petitis, «Rhetorische Studien», Ht. 4, 1915, стр. 3 сл.). В том, что традиция *μελέται* восходит ко времени Деметрия Фалерского (317—307 гг.), сомневается В. Кролль (W. Kroll, RE, 2-te R., Bd. XV, 1931, стб. 499, s. v. Melete). Однако уже от III в. до н. э. такие образцы представлены судебной речью, вложенной в уста Лептина, использующей материал XX речи Демосфена (K. Kullst, Rhetorische Papurü, B., 1923, Berl. Pap. 9781), и от 280—240 гг. на совещательную тему — так называемой речью Леосфена (B. P. Grenfell, A. S. Hunt, The Hibeh Papyri, L., 1906, № 15). Последняя показывает ранний интерес к эпохе, связанной с Ламийской войной.